

Собачье Сердце

Михаил Булгаков

Необычайной красоты женский голос пел из оперы. На колоннах ветер драл плакаты с громадными буквами: "Луч новой жизни профессора Преображенского. Вечная молодость и бессмертие". Величественный подъезд был заколочен досками. Метель выла. Филипп Филиппович прислонился спиной к колонне и тоже завыл.

Филипп Филиппович. У-у-у-у-у-у-у!

(Из-за колонны выполз Пес.)

Пес. У-у-у-у-у-у-у!

Филипп Филиппович. У-у-у-у-у-у-у!

Пес. О, люди! гляньте на меня, я погибаю! Гляньте на меня!

Филипп Филиппович. О, люди, гляньте на него!

Пес. Я погибаю!

Филипп Филиппович. О люди, он погибает.

Пес. Вьюга, Филипп Филиппович. О, люди, Вьюга в подворотне воеет мне отходную, и я вою с ней. Пропал я, пропал!

Филипп Филиппович. У-у-у-у-у-у-у!

Пес. У-у-у-у-у. Негодяи!

Филипп Филиппович. Кто?

Пес. Повар в столовой нормального питания плеснул кипятком и обварил мне левый бок. Какая гадина, а еще пролетарий.

Филипп Филиппович. Кипятком?

Пес. Крутым.

Филипп Филиппович. Господи, боже мой, как больно, люди!

Пес. Очень больно. Вор с медной рожей. До костей проело кипятком. Даль моей карьеры виден мне отчетливо.

Филипп Филиппович. Завтра появятся язвы.

Пес. Чем я их буду лечить? Летом можно спрятаться в Сокольники, там есть особенная, очень хорошая трава ... А зимой.

Филипп Филиппович. А зимой? Люди?

Пес. Вас сапогами били?

Филипп Филиппович. Били.

Пес. Их били! Кирпичем по ребрам получали?

Филипп Филиппович. Достаточно? Я думаю достаточно.

Пес. Все испытал, с судьбою своей мирюсь. И, если плачу сейчас, то только от физической боли и холода, потому что мой дух еще не угас. Живуч! Ведь, главное, как врезал кипятком, под шерсть проело.

Филипп Филиппович. Защиты, стало быть, для левого бока нет никакой.

Пес. Никакой.

Филипп Филиппович. Воспаление легких, люди!

Пес. С воспалением легких полагается лежать на парадном холе под лестницей, а кто вместо меня будет бегать по сорным ящикам в поисках питания? Кто?

Филипп Филиппович. Кто? Люди, кто?

Пес. Поползу я на животе, ослабею, каждый зашибить может меня палкой насмерть. И дворники ухватят меня за ноги и выкинут на телегу. Повар попадается разный. Например, Влас Пречистенки. Покойный. Скольким он жизнь спас. Царствие ему небесное за то, что был настоящая личность, барский повар графов Толстых. Бывало, говорят, махнет Влас костью!

Филипп Филипповичи. О люди! Скольким он жизнь спас! (ушел).

Пес. (вслед ему) Жизнь он скольким спас! Куда? У-у-у-у-у-гуу! Куда, какого лешего, спрашивается, несет его в магазин Центрохоза? Чего он там ждет? Что он может купить в лрянном магазииншке, разве мало ему Охотного ряда?

(Пробегаёт Барышня. Метель вертит ее, сбивает до колен юбочку.)

Барышня. Ты что скулишь, бедняжка, тебя кто обидел, Шарик?

Пес. Ну какой я к черту "Шарик"? Шарик – это значит круглый, упитанный, глупый, овсянку жрет, сын знатных родителей, а я клы-ача полжаренная, бездомный пес.

Барышня. Какая погода ... Шарик ...

Пес. Вьюга, люди ... вьюга.

Барышня. И живот болит.

Пес. Это солонина. Они, мерзавцы, из соленой солонины щи варят 40 копеек из двух блюд, а оба эти блюда и пятиалтынного не стоят, потому что остальные 25 копеек завхоз уворовал. А ей разве такой стол нужен? У нее верхушка правого легкого не в порядке.

Барышня. Ноги холодные.

Пес. Живот ...

Барышня. Живот дует. А штаны ...

Пес. А штаны?

Барышня. Штаны.

Пес. Штаны она носит холодные, кружевные видимость одна ...

Барышня. Для любовника.

Пес. А попробуй надеть она фланелевые штаны, он же заорет ...

Барышня. Надоела мне моя Матрена, намучился я с фланелевыми штанами, теперь пришло мое времечко. Я теперь председатель, сколько ни накраду – все на женское тело, на Абрау-Дюрсо.

Пес. Потому что наголодался он в молодости, а загробной жизни не существует ... теперь.

Барышня. Шарик, когда это все кончится? (ушла)

Пес (савыл). Ей-то хоть дома тепло ...

(появляется Филипп Филиппович)

Пес. Что это? Что у него в правом кармане? Райский запах рубленой колбасы с чесноком и перцем! Колбаса! Не даст! О, мой повелитель! Я умираю. Рабская наша душа, да подлая доля. Вы - величина мирового значения! Для чего вам гнилая лошадь? Не даст! Ни за что не даст.

Филипп Филиппович (Отламывая кусок колбасы). Бери, Шарик, бери.

Пес. Окрестили! Называйте меня как хотите. Премного вам благодарен за исключительный ваш поступок! (С восклицыванием вгрызся в колбасу) Лижу вам руку. Целую штаны, мой благодетель.

Филипп Филиппович. Ошейника нету.

Пес. Нет.

Филипп Филиппович. Ну и прекрасно. Тебя-то мне и надо.

Пес. Пинайте меня вашими фетровыми ботинками, я слова не вымолвлю. За вами, за вами – да на край света!!! Кот!!! Кот рвань! Не напасешься колбасы на всякую рвань!!!

Филипп Филиппович. Бери.
(Ф.Ф отломил еще кусочек.)

Пес. Чудак! Это он меня подманивает. Не беспокойся! Я и так буду двигаться за тобой куда только не прикажешь.

Филипп Филиппович. Прошу!

Пес. Да, да, да! этот тухлой солонины есть не станет, а если где-нибудь ему ее подадут, подымет скандал, в газете напишет!
(И тут от стены отделился примерзший к ней Репортер в летнем пальтеце.)

Репортер. Я замерз! Какая погода!

Филипп Филиппович. Отстаньте от меня, милостивый государь!

Пес. У-уу-ууу!

Репортер. Я замерз! Я из газеты! Пара минут. Пара минут. Пара минуточек! Одно маленькое интервью насчет роли вашего гениального открытия в народном хозяйстве.

Филипп Филиппович. Шарик, взять его.

Пес. Долгу прошу очистить (дико воет) У-ууу! Они уже не мешают, они уже на трубе на втором этаже.

Репортер испарился.

Филипп Филиппович. Фить-фить-фить.

Пес. В Обухов переулочек? С любовью и преданностью! Да потому что все видно: ест обильно, не ворует и никого не боится. Ибо вечно сыт.

Появился Федор.

Филипп Филиппович. Сюда прошу.

Пес. Стоять!

Филипп Филиппович. Стою.

Пес. Опаснее дворника – живодед в позументе!

Филипп Филиппович. Ах, да ...

Федор. Здравия желаю, Филипп Филиппович!

Филипп Филиппович. Здравствуй, Федор.

Федор. Галоши ...

Филипп Филиппович. Опять поперли?

Федор. Последнии. (Замахивается на Шарика.)

Филипп Филиппович. Федор! Что ты, голубчик. Это со мной.

Федор. Шарик ...

Пес. Что это за лицо такое, которое может пса с улицы вводить в дом жилищного товарищества.

Федор. Чувствуется порода.

Филипп Филиппович. Порода, Федор, порода.

Пес. А этот подлец – ни звука, ни движения.

Федор. Красавец, красавец.

Пес. Правда, глаз у него тухлый. Но как уважает господина, до чего уважает!

Шарик чшется.

Федор. Блошки ... блохи их беспокоят ...

Филипп Филипповичи. Беспокоят, Федор, беспокоят.

Шарик. Сколько раз морду мне уродовал?

Филипп Филиппович. Писем мне, Федор, не было?

Федор. Никак нет, Филипп Филиппович. Газетчики опять были. (Интимно вполголоса вдогонку) – а в третью квартиру жилтоварищей вселили.

Филипп Филиппович (Круто обернувшись на ступеньке и перегнувшись через перила) Ну-у?

Федор. Точно так, целых четыре штуки.

Филипп Филиппович. Боже мой! Воображаю, что теперь будет в

квартире. Ну и что ж они?

Федор. Да ничего-с.

Филипп Филиппович. А Федор Павлович?

Федор. За ширмами поехали и за кирпичом. Перегородки будут ставить.

Филипп Филиппович. Черт знает, что такое!

Федор. Во все квартиры, Филипп Филипповичи, будут вселять, кроме вашей. Сейчас собрание было, выбрали новое товарищество, а прежних – в шею.

Филипп Филиппович. Что делается. Ай-яй-яй. Фить– фить.

Шарик. Иду-с, поспею. Бок, изволите ли видеть, дает себя знать.

(Темнота. Смена картины.)

(Квартира Филиппа Филипповича. Прихожая. Высокое зеркало. Стойка с зонтами. На стене закреплено чучело совы, олени рога. Вешалка с шубами. Стойка с галошами.)

Зина. Где ж вы такого взяли, Филипп Филиппович! (помогла Ф.Ф. снять шубу на черно-бурой лисе) Батюшки, до чего паршивый.

Пес. Я не паршивый!

Филипп Филиппович. Вздор говоришь! Где паршивый?

(По снятии шубы он оказался в черном костюме с золотой цепью на животе.)

Пес. Это не парш! ...

Филипп Филиппович. Погоди-ка не вертись, дурак. Гм ... Это не парш ... да стой ты, черт ... Это ожог.

Пес. Повар, каторжник повар!

Филипп Филиппович. Зина, в смотровую его сейчас же и мне халат.

(И удалился)

Зина. Стой здесь, Шарик, я тебе хоть лапы оботру.

(И тоже убежала. И Пес остался один и немедленно поднял ногу около корзины с тростями и зонтами. Одна из тростей была украшена медной нашлапкой с буквами)

Пес. Кто это? Кто он? Бог? (Хватает трость и читает буквы.) Из тысячи московских псов только совершеннейший идиот не сможет из букв сложить слово. Пиво-Пь. Рыва-Рь. Оргкомитет-О. Про ... Дальше пузатая дрянь двубокая неизвестно что обозначает ... Месо-мь? Нет. Сыры-Сь! Все не то ... Гастрономия-Гь? Вина-Вь? Елисеевы братья бывшие-Е? Все не то. Пь-эр-о! Неужто пролетарий? Нет. Пролетарием здесь и не пахнет.

(Вернулась Зина в белом халате и шапочке.)

Зина. Шарик! (Пошла на него, растопырив руки.)

Борменталь(входя). Зина, в смотровую его! Стой, скотина!

Пес. Понимаю! Это меня в собачью лечебницу заманили. Черт бы меня побрал с их колбасой!

Борменталь. Зина, держи его за шиворот.

Зина. Я возьму его за шиворот ...

Пес. Сейчас касторку заставят жрать.

Борменталь. ... за шиворот!

Зина. За шиворот ...

Пес. Весь бок, изрежут ножницами, не дамся!

Борменталь. Зина, подйди и возьми его за шиворот!

Зина. Я возьму его за шиворот, когла смогу подойти.

Борменталь. Так подйди, Зина и возьми его за шиворот.

Зина. Я возьму за шиворот, кода смогу подойти.

Борменталь. Подйди, Зина, и возьми его за шиворот.

Зина. Я возьму за шиворот, кода смогу подойти.

(Пес вцепился Борменталю в ногу.)

Борменталь. Ну вот и все.

(Вошел Ф. Ф.)

Борменталь. Филипп Филиппович, дело в том, что мы не успели ... Я говорю Зине, Зина, подйди и возьми его за шиворот.

Зина. А я говорю: я возьму его за шиворот, когда смогу подойти.

Борменталь. Так вот он смог, а мы не успели и теперь я ...

Зина. Тяпнутый.

Филипп Филиппович (Шарику). Голубчик ... А что ты так ... Ага. Понятно ... Дарья Петровна!

Дарья Петровна. Здесь Дарья Петровна.

Пес. Повар попадятся разный ... Понятно ... Уносите ...

Филипп Филиппович. (Борменталю) Оставьте, голубчик. Зина ... Федор!

Федор. Все.

(Уносят пса.)

Пес. Прощай, Москва! Иду в рай за собачье долготерпение! Братцы! Живодеры! За что вы меня?! Все Издох!

Пес. Все-таки отделали, сукины дети. Но ловко.

(Открыл оба глаза и увидел тяпнутого Борменталья мазавшего иодом голую колень.)

Пес. Моя работа. Ну, будут драть.

Филипп Филиппович. Ты зачем, бродяга, доктора укусил?

Пес. У-у-у-у-

Борменталь. Мне совершенно не больно. Совершенно ничего страшного. Однако, Филипп Филиппович, как вам удалось подманить такого нервного пса?

Филипп Филиппович. Лаской-с, Иван Арнольдович. Пес-то бродячий ... бродячий пес ... Зина! ...

(делает Борменталю укол)

Пес. Нет. Это не собачья лечебница.

Филипп Филиппович. Лаской, Иван Арнольдович. Единственным способом, который возможен в общении с живым существом. Террором на него никак не воздействуешь, на какой ступени развития оно ни стояло бы. Это я утверждал, утверждаю и буду утверждать. Нет-не поможет, какой бы он ни был: белый или красный или коричневый. Это понятно? Террор совершенно парализует нервную систему и хватит об этом! Зина, я купил этому прохвосту краковской колбасы на один рубль 40 копеек. Потрудитесь, деточка, накормить его.

Зина. Краковской! Господи! Да ему обрезков нужно было купить на двугривенный. А краковскую я сама лучше съем.

Филипп Филиппович. Взрослая девушка, а как ребенок тащит в рот всякую гадость. Предупреждаю, Зина, ни я, ни доктор Борменталь не будем с тобой возиться, когда у тебя живот схватит.

Борменталь. Это отрава!

Федор. Для человека.

Филипп Филиппович. Да. Колбасу прошу сюда.

Пес. И немедленно! И сову эту мы разъясим.

(Зина принесла колбасу, и Пес проглотил ее.)

(Федор замахнулся.)

Филипп Филиппович. Живуч собачий дух! Менсано ин корпоро сане. Федор!

Федор. Я понял, Филипп Филиппович.

Филипп Филиппович. Иван Арнольдович, теперь будьте особенно внимательны. Нам нужен хороший труп.

Федор. Я пойду, Филипп Филиппович ...

Филипп Филиппович. Хороший труп.

Борменталь. Филипп Филиппович, вы знаете, я ради вас, я ...

Филипп Филиппович. Оставьте, голубчик. Как только подходящая смерть, тотчас со стола, в питательную жидкость и ко мне.

Пес. Господи, до чего ж хорошо. Но, какого черта я ему понадобился? Ему только глазом моргнуть, он бы таким псом обзавелся.

Филипп Филиппович. Хороший труп.

Борменталь. Патологоанатомы мне обещали.

Пес. А вдруг это сон? Проснусь и нет ничего. Ни тепла, ни сытости. Опять начнется подворотня, оледеневший асфальт, голод, злые люди, столовая ... Боже, как тяжело мне будет.

Зина. Пациенты!

Филипп Филиппович. Пациенты. Что ж, начнем прием.

(Зина и Борменталь вышли)

Филипп Филиппович. Шарик, ко мне. Бодван! Ну что ты делаешь!

(Зина и Федор вводили)

Зина. Филипп Филиппович, они не больной.

Филипп Филиппович. Почему пропустил? Гнать!!!

Федор. Сказали, мандат.

(И подал бумагу. Филипп Филиппович прочитал и задохнулся от ярости)

Филипп Филиппович. Ну-ка, сюда его с мандатом!

(Появился Молодой Человек)

Филипп Филиппович. Что вам надо?! Ведь вам сказали, что я занят!

Молодой Человек. Я сейчас! Сейчас! Простите, профессор, что отнимаю ваше драгоценное время. Но наша газета требует объяснений.

Филипп Филиппович. Я не обязан давать объяснения!

Пес. Никому! Уу!

Молодой Человек. Добрый день, профессор, здравствуйте. Над чем вы работаете?

Филипп Филиппович. Я не намерен ничего опубликовывать, пока не кончу работы!

Молодой Человек. Верно ли, что вы открыли лучи новой жизни?
(Молодой Человек повторяет за Ф. Ф. и записывает.)

Филипп Филиппович. Поймите вы все. Луч еще не исследован! Возможно, молодой человек ... исследован ... он повышает жизнедеятельность протоплазмы ...

Молодой Человек. Во сколько раз?

Филипп Филиппович (кричит). В тысячу раз!

Молодой Человек. В тысячу раз! Правда ли, что вы возвращаете своим пациентам молодость?

Филипп Филиппович (кричит). Да. Вечную молодость!

Молодой Человек. Вы открыли бессмертие?

Филипп Филиппович. Открыл!

Молодой Человек. Это вызовет переворот в нашем животновод-

стве.

Филипп Филиппович. В вашем немедленно вызовет!!! Ну, что вам еще от меня нужно?

Молодой Человек. Вашу фотографическую карточку.

Филипп Филиппович. Что?! Мою карточку? В ваши газеты? Я же по вашему лицу вижу, что вы напечатаете какую-то мерзость!

Молодой Человек. Профессор, Вы обязаны ознакомиться...

Борменталь. Филипп Филиппович ...

Молодой Человек. Профессор, вы обязаны ознакомиться московский пролетариат ...

Филипп Филиппович. Я ничем никому не обязан! А теперь потрудитесь убраться вон и не мешать больше мне работать!!!

Пес. Разрешите укусить?

Филипп Филиппович. Федор! Увести.

Федор. Нам нужен хороший труп.

Молодой Человек. Я буду жаловаться (хватит портрет Менделеева и убегает.)

Филипп Филиппович. Это же Менделеев! ... Ну вот унес Менделеева

...

(Появилась Зина.)

Зина. Опять не больной. Говорят, назначено.

Филипп Филиппович. Кем назначено? Кем назначено, черт возьми!

Пес. Нет, это не сон.

Филипп Филиппович. (Немецки) Черт возьми.

Пес. Я ему нужен!

Филипп Филиппович. (Немецки) Черт возьми.

Пес. И не случайно я здесь!

Филипп Филиппович. Ну так идите и ... Федор!

Пес. Очень возможно, что моя бабушка согрешила с водолазом. У меня на морде белое пятно. А, может быть, я – красавец. Профессор человек со вкусом ... он не возьмет первого попавшегося. А сову мы разъясим.

(Вошел господин с моноклем.)

Филипп Филиппович. Шарикук. Ко мне!

Господин. Шарик ...

Филипп Филиппович. Чем могу служить?

Господин. Господин профессор, позволит мне закурить сигару?

Филипп Филиппович. Позволит.

Господин. Bravo, bravo! И присесть?

Филипп Филиппович. Прошу садиться.

Федор. (входя) Филипп Филиппович, там никого нет.

Филлп Филиппович. Зато здесь есть господин. Федор, вы свободны.

Федор. (уходя) Ну все ... Иван Арнольдovich! Иван Арнольдovich!

Господин. Я конечно понимаю, господин-профессор чрезвычайно занят.

Филипп Филиппович. Да, я занят ...

Господин. Время – деньги!!! Простите. В мировых городах уже все известно насчет луча.

Филипп Филиппович. Какого луча?

Господин. Профессор изобрел луч новой жизни?

Филипп Филиппович. Да. Какой такой жизни! Это выдумки газетчиков.

Господин. Скромность – истинное украшение всех настоящих ученых. Имя ...

Филипп Филиппович. Профессор Преображенский.

Господин. Повторяет весь мир. Весь мир следит за работой профессора, затаив дыхание. Но всем известно также как тяжело положение ученых в Советской России.

Филипп Филиппович. Милостивый государь!

Господин. Антр ну суа ди ... Здесь никого нет посторонних?

Пес. Нет.

Господин. Увы, здесь не умеют ценить ученые труды. Мне бы хотелось переговорить с профессором. Одно иностранное государство предлагает профессору совершенно бескорыстно помочь в его лабораторных работах.

Филипп Филиппович. Иван Арнольдич!

Господин. Зачем, зачем метать бисер, как говорится в священном писании? Государству известно, как тяжело пришлось профессору в 19 и 20 году во время этой хи-хи ... революции. Ну, конечно, строгая тайна. Государству известно, что профессор вынужден зарабатывать деньги для экспериментов частной практикой, возвращая молодость мерзким сластолюбцам и увядшим дамам. Короче – профессор знакомит государство с результатами своей работы, государство в свою очередь финансирует профессора. Какой-нибудь пустяк, 5000 рублей, например, задатку, профессор может получить сию же минуту, и расписки не надо ...

Филипп Филиппович. (страшно кричит) Вон!!! Вон!!! Вон!!!
(Господин испарился и вбежали испуганные Борменталь и Зина с калошами в руках.)

Борменталь. Его калоши!

Филипп Филиппович. Они забыли.

Филипп Филиппович. Выкинуть калоши вон!!!
Зина. А если они придут за ними?
Филипп Филиппович. Сдать их в жилтоварищество! Под расписку!
Федор. Не дам!
Филипп Филиппович. В комитет! Пусть примут шпионские калоши!
Федор. Не дам! Не дам! Не дам!
(Зина и Борменталь унесли калоши. Профессор не мог успокоиться и схватил телефонную трубку.)
Филипп Филиппович. Дайте ... Дайте мне эту, как ее, Лубянку. Мерси ... Кому тут у вас надо сказать... у меня в квартире какие-то подозрительные субъекты в калошах ходят, да ... Профессор Преображенский.
(Вбежала Зина.)
Филипп Филиппович. Сдали?
Федор. Не успели ...
Зина. Они сами пришли.
Пес. Калоши?!
Зина. Жилтоварищи.
(Вошли Швондер, Вознесенская и Пеструхин.)
Филипп Филиппович. В чем дело, господа?
Вознесенская. (Похожая в штанах, кепке и пиджаке на юношу) По-первых, мы не господа, а товарищи.
Филипп Филиппович. Какая разница, товарищи?
Вознесенская. Я – женщина.
(И сильно покраснела. Вслед за нею покраснел густейшим образом Пеструхин – блондин в папахе.)
Филипп Филиппович. В таком случае, вы можете оставаться в кепке, а вас, милостивый государь я попрошу снять ваш головной убор.
(Федор снял с головы Пеструхина папаху.)
Швондер. Мы пришли к вам ...
Филипп Филиппович. Прежде всего, кто это мы?
Швондер. Мы – новое домоуправление нашего дома. Я – Швондер, она Вознесенская, он – товарищ Пестухин. И вот мы ...
Филипп Филиппович. Это вас вселили в квартиру Василия Павловича?
Швондер. Нас.
Филипп Филиппович. (в отчаянии) Боже, пропал наш дом!
Швондер. Вы смеетесь, профессор?
Филипп Филиппович. Какое там смеюсь? Я в полном отчаянии. Что теперь будет с паровым отоплением?
Вознесенская. Вы издеваетесь, профессор Преображенский?

Филипп Филиппович. Ни в коем случае ... По какому делу вы пришли ко мне? Говорите, как можно скорее, я сейчас иду обедать.

Швондер. Мы, управление нашего дома, пришли к вам после общего собрания нашего дома, на котором стоял вопрос об уплотнении квартир нашего дома ...

Филипп Филиппович. Кто на ком стоял? Потрудитесь излагать ваши мысли яснее.

Швондер. Вопрос стоял об уплотнении.

Филипп Филиппович. Довольно. Я вас понял. Вам известно, что постановлением от 12 августа сего года моя квартира освобождена от уплотнений.

Вознесенская. Известно!

Швондер. Профессор, нам все известно. Но наше собрание прошло к заключению, что в общем и целом вы занимаете чрезмерную площадь.

Пеструхин и Вознесенская. Совершенно чрезмерную.

Швондер. Вы один живете в семи комнатах.

Филипп Филиппович. Да, я один живу и работаю в семи комнатах и желал бы иметь еще восьмую. Она мне необходима под библиотеку.

(Трое онемели.)

Пеструхин. Восьмую? Эхе-хе! Однако, это здорово!

Вознесенская. Это неопишимо!

Филипп Филиппович. У меня приемная, заметьте, она же библиотека, столовая, мой кабинет – 3, смотровая – 4, операционная – 5, моя спальня – 6, комната для прислуги – 7, и разговору конец. Могу я идти обедать?

Пеструхин. Нет ... Извиняюсь...

Вознесенская. Извините!

Швондер. Извиняюсь, вот именно по поводу столовой мы пришли поговорить, профессор. Общее собрание просит вас добровольно в порядке трудовой дисциплины, отказаться от столовой. Столовых ни у кого в Москве нет.

Вознесенская. Даже у Айседоры Дункан.

Швондер. И от смотровой тоже. Смотровую прекрасно можно соединить с кабинетом.

Филипп Филиппович. А где я должен принимать пищу?

Все Трое (хором). В спальне.

Борменталь. Форзинтех, Филипп Филиппович.!

Филипп Филиппович. Я спокоен Иван Арнольдович! В спальне принимать пищу, оперировать в комнате прислуги, а в столовой

осматривать? Очень возможно, что Айседора Дункан именно так и делает. Но я не Айседора Дункан! ... Я буду обедать в столовой, а оперировать в операционной. Передайте это своему общему собранию.

Швондер. Тогда, профессор, ввиду вашего упорного противодействия, мы подадим на вас жалову в высшие инстанции.

Филипп Филиппович. Ага, так? (и голос его принял вежливый, подозрительный оттенок) Одну минуточку попрошу вас подождать.

Швондер. Мы подождем.

Пес. Вот это парень! Весь в меня. Ох, и тянет он их сейчас, ох, тянет ...

(Филипп Филиппович снял трубку с телефона.)

Филипп Филиппович. Петра Александровича, пожалуйста – профессор Преображенский.

Пес. Этого голенастого взять сейчас повыше сапога за подколенное сухожилие ... р-р-р ...

Филипп Филиппович. Профессор Преображенский. Петр Александрович. Очень рад, что застал вас. Благодарю, здоров. Петр Александрович, ваша операция отменяется. Равно, как и все другие операции. Я прекращаю работу в Москве и вообще в России. Сейчас ко мне вошли трое, из них одна женщина, переодетая мужчиной, и двое вооруженных револьверами и терроризировали меня в квартире с целью отнять часть ее ...

Швондер. Позвольте, профессор ...

Филипп Филиппович. Другими словами, они мне предложили отказаться от смотровой, то есть оперировать вас там, где я до сих пор резал кроликов. В таких условиях я не могу и не имею права работать. Поэтому я прекращаю свою деятельность, закрываю квартиру и уезжаю в Сочи. Ключи могу передать Швондеру. Пусть он оперирует.

(Трое застыли.)

Филипп Филиппович. Что же делать? Мне самому неприятно ... Как? О, нет, Петр Александрович! Больше я так не согласен. Терпение мое лопнуло. Это уже второй случай с августа месяца. Как? Гм ... Но тот не одно условие: как угодно, что угодно, когда угодно, но чтобы это была такая броня, при наличии которой ни Швондер, ни кто другой не мог бы подойти к дверям моей квартиры. Все! Кончено. Я для них умер ... Ну, это другое дело ... Хорошо. Сейчас передаю трубку. Будьте любезны. Сейчас с вами будут говорить.

Швондер. Профессор, вы извратили наши слова.

Филипп Филиппович. Вас я попрошу не употреблять таких выражений.
Вознесенская. Спокойно, товарищ!

Швондер. (растерянно взял трубку) Слушаю ... Да. Председатель домкома ... Но мы же действовали по правилам.

Пеструхин. Скажите – пять комнат хотели оставить...

Швондер. Подожди! Нет, нет, это я не вам. Нам известно о трудах профессора.

Пеструхин. ... Пять комнат хотели оставить.

Швондер. Да подождите! Нет, не вам! У профессора и так исключительное положение (вознесенская, Пеструхин перебивают)
Ну, подождите! Нет, нет! это я не вам.

Пеструхин. Пусть ест в спальне!! Пусть ест в спальне!

Швондер. Кто я? ... Это какой-то позор ...

Пес. Вот оплевал, так оплевал! Можете бить меня как угодно, только я не уйду отсюда!

(Пеструхин и Вознесенская смотрели на оплеванного Швондера.)

Пес. Товарищ! Спокойно, товарищ!

Швондер. Это какой-то позор.

Вознесенская. Если бы сейчас была дискуссия, я бы доказала Петру Александровичу.

Филипп Филиппович. Виноват, вы сию минуту хотите открыть эту дискуссию?

Вознесенская. Я понимаю вашу иронию, доктор, мы сейчас уйдем. только я, как заведующий, культотделом дома ...

Филипп Филиппович. За-ве-дующая.

Вознесенская. Ну да ... Хочу предложить вам (она из-за пазухи вытащила несколько ярких журналов) взять несколько журналов в пользу детей Германии. По полтиннику штука.

Филипп Филиппович. Нет, не возьму.

(Совершенное изумление выразилось на лицах.)

Вознесенская. Почему вы отказываетесь?

Филипп Филиппович. Не хочу.

Вознесенская. Вы не сочувствуете детям Германии?

Филипп Филиппович. Очень сочувствую.

Вознесенская. Жалеете полтинник?

Филипп Филиппович. Нет.

Вознесенская. Так почему не?

Филипп Филиппович. Не хочу.

(Помолчали.)

Вознесенская. Знаете, профессор, если бы вы не были европейским светилом, и за вас не заступались самым возмутительным обра-

зом (Пеструхин дернул ее за край куртки, но она отмахнулась.) лица, которым, я уверена, мы еще расъясним ... вас следовало бы арестовать.

Филипп Филиппович. (с любопытством) А за что?

Вознесенская. Вы ненавистник пролетариата.

Филипп Филиппович. (теряя терпение, кричит) Да, я не люблю пролетариата!

(Появились трое в скромных френчах.)

Первый. Лувянка.

Вознесенская (радстно). Здравствуйте, товарищи!

Первый. У вас в квартире какие-то посторонние субъекты в калошах ходят, Филипп Филиппович? Это Шарик, это понятно, а это кто?

Филипп Филиппович. Не знаю. Ворвались.

Вознесенская. Мы управление дома.

Филипп Филиппович. Ну да, это наше новое домоуправление ...

Первый. Будут понятыми, Филипп Филиппович, где калоши?

Филипп Филиппович. Вот они.

Второй. Мы эти калоши изымаем в присутствии понятых (Взял калоши, завернул их в газетную бумагу и унес.)

Швондер. Товарищи, я, как председатель домкома ... Это какой-то позор! ...

Первый (не обращая на него внимания). Филипп Филиппович, вы могли бы описать наружность вашего гостя?

Филипп Филиппович. А черт его знает. Противная физиономия.

Первый. Физиономия противная.

Филипп Филиппович. Дегенерат.

Третий. Глаз у него не стеклянный?

Филипп Филиппович. Нет, не стеклянный. Бегают глаза.

Первый. Глаза бегают ... Он.

Третий. Он не даст без расписки. Он покрупнее.

Филипп Филиппович. Скажите пожалуйста, что это за каналья у меня была?

Первый. Мелкий аферист. Однако просим события сегодняшнего вечера держать в полной тайне. Больше вас никто не потребожит, ни в клинике, ни дома. Мы здесь для того, чтобы избавить вас от назойливых посетителей. У дверей вашего дома будет установлено круглосуточное дежурство. Я повторяю ... для товарища Борменталя ... Ивана ...

Третий. Арнольдовича.

Первый. Мы здесь для того, чтобы избавить вас от назойливых

посетителей. Всего доброго!

Филипп Филиппович. Благодарю вас, господа. А нельзя ли, чтобы репортеров расстреляли?

(Все чрезвычайно развеселились.)

Первый. Это невозможно. Еще раз всего хорошего.

Филипп Филиппович. Еще раз благодарю вас, господа.

(Все удалились.)

(Вошли Дарья Петровна, Зина.)

Дарья Петровна и Зина. Кушать подано.

Филипп Филиппович. Иван Арнольдovich, прошу! ... Это оно?

Дарья Петровна. Оно.

Филипп Филиппович. Иван Арнольдovich, умоляю вас мгновенно эту штучку! И если вы скажете, что это плохо, я – ваш враг на всю жизнь... Это плохо? Это плохо?

(Он предложил Борменталью закуску, налил вина и глаза его засветились.)

Борменталь. Это бесподобно.

Филипп Филиппович. На, Шарик, подучай! (На кончике вилки он подал Псу закуску, принятую тем с фокусной ловкостью.)

Зина. Пса в столовой прикармливаете, а потом его отсюда калачом не выманишь.

Филипп Филиппович. Ничего, бедняга наголодался. Заметьте, Иван Арнольдovich, холодными закусками и супом закусывают только недорезанные большевиками помещками. Уважающий себя человек оперирует закусками горячими. Есть, Иван Арнольдovich, надо уметь. Большинство людей вовсе не умеют есть. Нужно знать не только что есть, но когда и где. И что при этом говорить. О чем говорить за осетриной, о чем за ростбифом.

(Он встал из-за стола, прошел в переднюю, открыл дверь на лестничную площадку и обратился к прятавшемуся там Третьему человеку во френче.)

Филипп Филиппович. Голубчик ... А что вы здесь будете есть?

Третий. Не беспокойтесь, профессор, мы здесь будем сменяться. Вам никто не мешает?

Филипп Филиппович. Однако, голубчик, у вас здорово поставлено дело. (вернулся к столу) И мой вам совет, Иван Арнольдovich, не говорите за столом о политике ...

(появился Господин)

Господин. 50 тысяч, профессор!

Филипп Филиппович. Вон! Вон! Вон!

(Господин исчез.)

Третий. Профессор, вам никто не мешает?

Филипп Филиппович. Проситите, голубчик. Иван Арнольдович, не говорите за обедом о политике и медицине тоже ... И не читайте до обеда газет. Я провел 30 наблюдений в клинике. У читающих газеты пониженные коленные рефлексy и потеря аппетита.

(Наверху запел хор.)

Филипп Филиппович. Зина, а это что такое обозначает?

Зина. Это? Это ... Опять общее собрание сделали, Филипп Филиппович.

Филипп Филиппович. Опять. Ну, теперь все будет, как по маслу. В начале в сортирах замерзнут трубы, потом лопнет котел в паровом отоплении и так далее. А ведь какой дом был!

Борменталь. Вы слишком мрачно смотрите на вещи. Они теперь резко изменились.

Филипп Филиппович. Голубчик, я враг, я враг необоснованных гипотез. Я человек фактов. Кстати, это хорошо известно не только в России, но и в Европе. Если я что-нибудь говорю, то это значит, в основе лежит некий факт, из которого я делаю вывод. И вот этот факт: калошная стойка в нашем доме.

Борменталь. Это интересно ...

Филипп Филиппович. С 1903 года я живу в этом доме. И вот на протяжении этого времени не было ни одного случая – подчеркиваю красным карандашом ”ни одного случая” – чтобы из нашего парадного исчезли все калоши, три палки, пальто и самовар у швейцара. Правильно? Правильно. Голубчик, я не говорю уже о паровом отоплении. Пусть: раз социальная революция – не надо топить. Ну не надо, не надо! Я только хочу спросить, почему калоши надо запирать на замок? Почему убрали ковер с парадной лестницы? Разве Карл Маркс запрещает держать на лестнице ковры? Разве где-нибудь у Карла Маркса сказано, что подъезд следует заколотить досками и ходить кругом черз черный двор? Кому это нужно? Почему пролетарий не может оставлять свои калоши внизу, а пачкает мрамор?

Борменталь (робко). Да у него, Филипп Филиппович, и вовсе нет калош.

Филипп Филиппович. Ничего похожего! На нем теперь есть калоши, и эти калоши – мои. Это как раз те самые калоши! Спрашивается, кто же их попер? Я? Не может быть. Буржуй Василий Павлович? (Ф.Ф. ткну пальцем в потолок) Это ведь смешно даже предполагать. Какого черта убрали цветы с площадок? И почему электричество, которое, дай бог памяти, не тухло в течение 20 лет, в теперешнее время гаснет аккуратно раз в месяц?

Борменталь. Разруха, Филипп Филиппович. Разруха ...

Филипп Филиппович. Нет? Нет. Дорогой Иван Арнольдovich, воздержитесь от употребления этого слова разруха. Что такое разруха? Ведьма, которая выбила все стекла и погасила свет? Да ее вовсе не существует! Что вы подразумеваете под этим словом? (Яростно спрашивал Ф.Ф. у совы и сам же отвечал за нее). Это вот что: если я в своей квартире вместо того, чтобы оперировать начну у себя петь хором, у меня наступит разруха. Если я, входя в уборную, извините за выражение, начну мочиться мимо унитаза, и то же самое будут делать Зина и вы, в уборной начнется разруха. Следовательно разруха в головах, а не в клозетах. Когда кричат: "Бей разруху", это обозначает, что каждый должен лупить себя по затылку. И вот, когда он вылупит из себя всякие галлюцинации и займется чисткой сараев – прямым своим делом – разруха исчезнет сама собой!

Пес. (в восторге) У-у-у, р-р-р!

Филипп Филиппович. Что с тобой?

Пес. Уррррра!

Филипп Филиппович. Вы говорите – разруха! Я вам говорю, доктор, что ничего не изменится в нашем доме, пока не усмирите этих певцов. Лишь только они прекратят свои концерты, положение само собой изменится к лучшему.

Пес. Он бы прямо на митингах мог бы деньги зарабатывать. Впрочем, у него и так, видно, куры денег не клюют.

Борменталь (шутливо). Контрреволюционные вещи говорите, Филипп Филиппович.

Филипп Филиппович. Никакой контрреволюции в моих словах нет! В них лишь здравый смысл и жизненная опытность. Ничего делать сегодня не будем. Сегодня в Большом "Аида". А я давно не слышал, люблю ... Зина, одеваться!

Борменталь. Как это вы успеваете, Филипп Филиппович?

Филипп Филиппович. Успаевает всюду тот, кто никуда не торопится. Конечно, если бы я стал ездить по заседаниям и распевать как соловей, я бы никуда не поспел. Я сторонник разделения труда. В Большом пусть поют, а я буду оперировать. Вот и хорошо. И никаких разрух. Шарик, поди сюда.

(Пес подполз. И Филипп Филиппович из стеклянного шкафа, где в банках плавали человеческие мозги, достал широкий блестящий ошейник и недел на Пса. И они с Борменталем ушли, оставив Пса одного.)

Пес. Ошейник ... (Обращаясь к себе) Это значит – навсегда!

Ошейник – это все равно что портфель! У меня хозяин! Хозяин в чернобурой лисе сверкающей миллионами снежных блесток, пахнущий мандаринами, бензином, сигарами, духами, одеколоном, сукном! Голос его, как командная труба разносится по всему дому! Я вытащил самый главный собачий билет! Я здесь живу!!! Мне вычешут блох! Меня любят!!! Меня балуют! Я могу жевать его штаны, кусать его ботинки и он мне все простит, потому что он очень хороший человек, маг и волшебник из собачьей сказки. О, лучи новой жизни! Мой бок зажил! О, хозяин! О, как я буду любить его!

(Прекрасный женский голос запел оперу.)

(Вошел Филипп Филиппович.)

Филипп Филиппович. Зачем ты, свиния, сову изодрал? (И надел белый халат.)

Зина. Я нарочно не убирала, Филипп Филиппович, чтоб вы полюбовались. (И тоже надела халат.)

Филипп Филиппович. Зачем штаны ел? Зачем профессора Мечникова разбил? (И надел белый калпак напоминающий патриарший куколь.)

Зина. (ласково) Его, Филипп Филиппович, хлыстом надо, а то совсем избаловался. (И надела белую шпочку.)

Филипп Филиппович. Никого драть нельзя, запомни это раз и навсегда.

(И с помощью Зины надел поверх халата узкий резиновый фартук, а на руки резиновые перчатки.)

Зина. Он за неделю весь дом обожрал. Я удивляюсь, как он не лопнет. (И раскрыла операционный стол.)

Филипп Филиппович. Запомни, на человека и животное можно действовать только внушением.

(Зина включила ярчайшую лампу. Появились Борменталь и швейцар Федор, тащившие вдвоем большой чемодан.)

Зина. Я поняла.

Пес. Что это с ними сегодня? Зачем халаты? Ведь бок зажил. Убегу!

Борменталь. Труп, Филипп Филиппович.

Филипп Филиппович. Когда умер?

Борменталь. Три часа назад.

Филипп Филиппович. (Надевая марлеву маску и растопыривая резиновые пальцы.) Отлично-с.

Пес. А куда бежать? Я барский пес, интеллигентное существо,

отведал лучшей жизни.

Филипп Филиппович. Только не волнуйте пса.

Пес. Да и что такое воля? Дым, мираж, фикция, бред злосчастных демократов.

Филипп Филиппович. На стол его ... На стол его.

Пес. Вас четверо. Берите, если хотите. Только стыдно вам! Глаза у вас бегают! Пакостное дело задумали! Стыдно!!

(И поехал ногами по сколькуму паркету крепко схваченный Борменталем, Федором и Зиной. И затих на столе пристегнутый ремнями с ватой на носу, приложенной Борменталем.)

Филипп Филиппович. Все дврти запереть, к телефону не подходить, никого не пускать!

Федор. Слушаюсь, Филипп Филиппович. (И поспешно ретировался.)

Зина. (накрыв Пса простыней) Мне можно уйти? (И не дожидаясь ответа, убежала.)

Филипп Филиппович. Жалко его. Я к нему привык. Иван Арнольдович, когда вскроете череп, и я войду в мозг, умоляю вас, моментально подаете мне отросток из мозга трупа и включаете аппарат. Он спит?

Борменталь. Спит хорошо.

Филипп Филиппович. Ну, господи, благослови! Начнем-с. (Борменталь взял с маленького столика пилу и склонился над телом Пса. Сквозь ковры и стены глухо зазвучал хор Жилтоварищества.)

Филипп Филиппович. Черт бы взял всех этих певцов! (И тут погасло электричество.)

Филипп Филиппович. (страшно кричит) Черт их всех возьми!!! Зина! Зина! Зина!

(Хор за стенами зазвучал громче. Вбежала Зина со свечой в руке и стала светить над столом, отвернувшись, чтоб не видеть.)

Первый Человек во Френче. (входя с фонариком.) Филипп Филиппович, вам никто не мешает?

Филипп Филиппович. Стоять! ... Рядом! ... Место! ... Ножницы! ... Стоять! ... Ко мне!

(Борменталь в темноте загрохотал инструментами на столике в поисках ножниц. Первый подошел с фонариком.)

Первый. Вот они.

Филипп Филиппович. Шприц!

Борменталь. Пульс резко падает.

Филипп Филиппович. Так что ж вы ждете?! Колите адреналин!

Борименталь. Зина, шприц!
 Первый. Вот он. Я стерилен.
 Филипп Филиппович. Черт возьми! Все равно он у нас пять раз уже умер! Разве мыслимо в таких условиях!
 Первый. Немыслимо.
 Филипп Филиппович. Мыслимо?
 Первый. Немыслимо.
 Филипп Филиппович. Зажим!
 Первый. Зажим!
 Филипп Филиппович. Скальпель.
 Первый. Скальпель.
 Филипп Филиппович. Еще зажим!
 Первый. Зажим еще.
 Филипп Филиппович. Внимание!
 Первый. Внимание!
 Филипп Филиппович. Мозг трупа!
 Федор. Я здесь, Филипп Филиппович. (открывает чемодан.)
 Первый. Нога!
 Федор. Калоша!
 Первый. Портвейн!
 Федор. Розовый!
 Первый. Мозг трупа!
 (Зина падает.)
 Федор. Обморок!
 Филипп Филиппович. Зина!!
 Зина. (вскакивая) Стерильно!
 Первый (Федору). Свободен!
 Филипп Филиппович. Скальпель!
 Первый. Скальпель!
 Филипп Филиппович. Зажим!
 Первый. Зажим!
 Филипп Филиппович. Еще зажим!
 Первый. Зажим второй!
 Филипп Филиппович. Умер?!
 Борименталь. Пульс нитевидный ...
 (Появился журналист из "Вестника промышленности".)
 Журналист (в Пр.) Профессор, у вас не заперто!
 Филипп Филиппович. (Первому.) Стоять! Ко мне!
 Первый. (журналисту) Не вам!
 Журналист. (В. п.) Я из "Вестника промышленности" несколько слов для наших читателей о вашей работе!

Филипп Филиппович. Мозговой шпатель!
Первый. Мозговой шпатель!
Федор. Уйдите от греха!
Филипп Филиппович. Распатель.
Первый. РАСПАТЕР!
Пациент. Префессор, простите, что без звонка, но я хотел выразить свой восторг!
Журанлист из Вестника. (устанавливая треногу с фотоаппаратом) Одно маленькое интервью. О роли вашего открытия ...
Пациент. Вы мог и чародей! Я молод! Каждую ночь девушки сняты стаями!
Журналист. Добрый день, преофессор. Здравствуйте!
Филипп Филиппович. Внимание! Иван Арнольдович! Вхожу в турецкое седло.
Первый. Вход в турецкое седло!
Господин. Сто тысяч, профессор!
Второй. Профессор, вам никто не мешает?
Третий. Профессор, вам никто не мешает?
Пациент. Профессор, пароль д'онер, в последний раз такое было 25 лет назад в Париже!
Журналист ("В.П.") Профессор, правда ли, что ваше открытие гарантирует колоссальный прирост?
Дарья Петровна (внося блюдо с индейкой) Филипп Филиппович, обедать будете?
Первый. Профессор, обедать!
Пациент. (Дарье Петровне) Сударыня.
Дарья Петровна. Я их кухарка. Филипп Филиппович, индейка готова. Обедать будете? Высохнет. Куда ее?
Первый. Индейку на стол (берет блюдо с индейкой и ставит на столик с инструментами.)
Пациент. Сударыня, я положительно очарован ...
Дарья Петровна. Федор.
Федор. Вы не стерильны!
Журналист ("В.П.") Внимание! (снимая) Снято!
Филипп Филиппович. Можно зашивать.
Первый. Зашивать!
Пациент. Итак, профессор, что вы открыли?
Филипп Филиппович. Углодержатель.
Первый. Профессор Преображенский открыл лучи новой жизни. Аппарат работает от электричества. Что у вас с волосами?
Пациент. Проклятая краска! Подсунули! О, профессор, если б

вы могли и волосы омолаживать!

Первый. Со временем мы сможем. А пока вы свободны.

Пациент. Кухарка ...

Первый. Кухарка справа.

Дарья Петровна. Понятно.

Пациент. Я положительно очарован!

Дарья Петровна. Ко мне ... Ко мне (уводит пациента)

Борменталь. Зашито, Филипп Филиппович.

Филипп Филиппович. Зина, включайте аппарат.

Первый. Филипп Филиппович, рядом, ко мне, место – это к собаке.

Филипп Филиппович. Простите, голубчик.

Первый. Работайте спокойно. Вам никто не помешает.

Филипп Филиппович. Подох ... Жалко пса. Ласковый был. Но хитрый ... Записывайте, Иван Арнольдович ... Лабораторная собака ... самец ... кличка Шарик ... Порода – дворняжка.

Борменталь. Он шевельнулся.

Филипп Филиппович. Неужто? Выживет. Вы пишете. Шерсть густая. Упитанный. Произведена первая в мире операция по пересадке мозга и семенных желез от скончавшегося за три часа до операции мужчины. Записали?

Борменталь. Да, да.

Филипп Филиппович. Пишите: Показания к операции – постановка опыта о влиянии пересадки при прямом действии луча.

Борменталь. Он чешется.

Филипп Филиппович. Пишите.

Борменталь. Что?

Филипп Филиппович. "Он чешется".

Борменталь. Шерсть отпадает.

Филипп Филиппович. Пишите.

Борменталь. Что?

Филипп Филиппович. При прямом действии луча наблюдается местное облысение ... Бедный пес.

Борменталь. Писать?

Филипп Филиппович. Что?

Борменталь. "Пес бедный."

Филипп Филиппович. Не надо. Пишите. Облысение принимает общий характер.

Борменталь. Диагностика?

Филипп Филиппович. Диагностика не установлена. Пишите! Наблюдается удлинение конечностей и рост черепа ... Совершенно

неожиданный эффект!

Пес. У-а ...

Филипп Филиппович. Пишите. Стон ...

Пес. У-а ...

Филипп Филиппович. Похожий на плач ребенка.

Борменталь. Кого?

Филипп Филиппович. Спокойно, Иван Арнольдович. Мы с вами ученые. Ребенка. И пульс нормальный.

Борменталь. Открыл глаза ...

Филипп Филиппович. Пишите!

Борменталь. Пищу.

Пес. Аи Абыр ...

Борменталь. Он говорит.

Филипп Филиппович. Он говорит, а вы пишете, отчетливо пролаял слово "абыр".

Пес. Абыр-вашг, абыр-валг!

Борменталь. Что писать?

Филипп Филиппович. Пишите Абыр ...

Пес. Абырвалг ...

Борменталь. (записал) Абырвалг, Филипп Филиппович, если прочесть наоборот, получается Главрыба.

Филипп Филиппович. (Глядя пса по голове) Ах, какой молодец!

Пес. С гинь, гнида. Не толкайся, падла ... Абыр ... па-паша ... абыр ... па-па-ша. Абыр ...

Филипп Филиппович. Пишите, Иван Арнольдович! Пишите!

Борменталь. Пищу, я пишу!

Филипп Филиппович. По виду – формирующийся мужчина. Пишите. Иван Арнольдович, действие луча дало совершенно неожиданный эффект: полное очеловечивание.

Пес. В очередь, сукины дети! В очередь!

Филипп Филиппович. Следует отметить понятливость существа. А чей. кстати, это труп! Иван Арнольдович!

Первый. Клим! Клим Григорьевич, 25 лет. Судилца три раза. В первый и второй раз оправдан – спасло происхождение, третий раз осужден. 15 лет каторги ... условну. Причина смерти – удар нож в пивной у Преображенской заставы.

Филипп Филиппович. Благодарю вас.

Первый. Профессор Преображенский! Я поздравляю вас! Вы без реторты Фауста создали гомункула! Ножом хирурга вы вызвали к жизни новую человеческую единицу! Префессор Преображенский, я поздравляю Вас!

Борменталь. Филипп Филиппович, вы творец!

Филипп Филиппович. Иван Арнольдович, я и сам не ожидал.
Зина, Зина! Одеть его!

Пес. (вслед Зине.) Вполне!

Филипп Филиппович. Зина!

Борменталь. Зина!

Дарья Петровна (с Федором вносят Зину) Филипп Филиппович,
ей нехорошо.

Пес. Сука рваная ... Слезай с подножки, мать твою ... (Закру-
тился на месте, пытаясь ухватить себя зубами за спину).

Федор. Блошки их беспокоят!

Пес. Сука рваная ... Слезай с подножки, мать твою!

Филипп Филиппович. Это блоха. Его надо выкупать.

Дарья Петровна. Зина. Выкупать! Выкупать!

(Дарья Петровна внесла корыто. Федор – кувшин с водой. Пса
увели за ширму и там приступили к обряду увывания и одевания.
Оттуда слышались голоса.)

Шарик. Дай папирочку – у тебя брюки в полосочку. Мать
твою, шас пасть порву.

Дарья Петровна. С гуся вода, с мальчика вся хдоба!

Шарик. Счас пасть порву!

Борменталь. Фу, Шарик, фу!

Филипп Филиппович. Лаской, милейший Иван Арнольдович,
только лаской! Поимите – перед нами уже не Шарик. Перед нами
новый человек.

2 – й АКТ

Филипп Филиппович. Доктор уже перебрался?

Первый. Доктор перебрался.

Филипп Филиппович. Благодарю вас.

Первый. Доктор перебрался.

Филипп Филиппович. Благодарю вас, я знаю. (пишет повторяя
вслух Зине.) ”Не сквернословить. Профессор Преображенский”
... Зина! ”На пол не плевать. Профессор Преображенский”. Это
– вот сюда, пожалуйста. Отлично. Зина! ”Семечки не грызть.
Профессор Преображенский”. Сюда пожалуйста.

Зина (находит носки). Филипп Филиппович!

Филипп Филиппович. Что – Филипп Филиппович? Это носки
... ”Не мочиться мимо унитаза. Профессор Преображенский.” Ну
хорошо. Это я повешу сам ...

(Уходят.)

Новый Человек. (вылезает из-под стола.) Папаша! ... "Семечки не грызть. Профессор Преображенский. Папаша падла. "Не скверносливить. Профессор Преображенский", "На пол не плевать. Профессор Преображенский". Папаша ... (Подошел к клавесину. Бьет по клавишам. Входят Филипп Филиппович и Борменталь.)

Новый Человек. Играет! ... Падла! Играет! (входят Ф.Ф. и Борменталь) До ... до ...

Борменталь. (садясь за физгармонь) До-ооо!

Филипп Филиппович. До ... Голубчик! ... До-оо.

Новый Человек. Ре ...

Филипп Филиппович. Давайте ре ...

Борменталь. Ре-еее ...

Новый Человек. (предлагает Ф.Ф. конфетку) Это тебе.

Филипп Филиппович. Спасибо. Ну а теперь тебе.

Новый Человек. Р ... р ... Ми-ми.

Филипп Филиппович. Давайте ми.

Новый Человек. Ми ... и

Филипп Филиппович. Фа-ааа ...

Новый Человек. Это дрянь такая пузатая двубокая ...

Первый. Как работается, Филипп Филиппович? Не лизать! О нас с вами, профессор, в газетах пишут. (Шарику) Не лизать! Вот. "Слухи о марсианине в Обуховском переулке ни на чем не основаны. Они распущены торговцами с Сухаревки. Семь торговцов за распространение слухов арестованы". Не буду мешать.

Филипп Филиппович. Голубчик ...

Борменталь. Фа-ааа ...

Новый Человек. Фа ... Где? Где? Убью на месте! У-ууубью! Мать твою! Развели, буржуи!

Дарья Петровна. Он в ванной, Филипп Филиппович!

Зина. Филипп Филиппович, это кот.

Филипп Филиппович. Лаской и терпением!

Первый. Он сидит в ванной. Этот кот.

Федор. Филипп Филиппович, пациенты!

Филипп Филиппович. Иван Арнольдович, успокойте пациентов, скажите, сегодня принимать не буду.

Первый. (стучит в ванную) Открыть немедленно!
(Появился старуха.)

Филипп Филиппович. Что вам надо?

Старуха. Говорящую собачку любопытно посмотреть.

Филипп Филиппович. Немедленно, сию же минуту вон!

Первый. Как вы сказали, профессор? Лаской и еще чем?

Филипп Филиппович. Терпением, голубчик.

Первый. (Показывая на старуху.) Это кто?

Филипп Филиппович. Любопытно говорящую собачку посмотреть.

Первый. Разберемся (стучит) Кто я?

Дарья Петровна и Зина. Что он сказал?

Первый. Женщины, выйдите оюда! (стучит.) Чтобы куда я пошел?

Дарья Петровна и Зина. Что он сказал?

Филипп Филиппович. Дамы, вам же сказали выйти отсюда.

Борменталь. Филипп Филиппович, в приемной 17 пациентов ждут.

Филипп Филиппович. Иван Арнольдович, отпустите всех, сегодня принимать не буду.

(Федор смеется.)

Филипп Филиппович. Что он сказал?

Федор. Он сказал, что ...

Филипп Филиппович. Федор! (В ванную.) Сию же минуту извольте выйти!

Новый Человек. Защелкнулся я.

Филипп Филиппович. Откройте!

Новый Человек. Да не открывается, окаянная!

Дарья Петровна. Батюшки, он на предохранитель защелкнул.

Филипп Филиппович. (стараясь перекричать воду) Там пупочка есть такая! Нажмите ее снизу!

Первый. Вниз, вниз, опустите пупочку!

Новый Человек. (пропал и вновь появился в окошечке.) Ни пса не видно.

Филипп Филиппович. Да вы свет зажгите!

Новый Человек. Котяга проклятый лампу расколол. Я стал его, подлеца, за ноги тащить, он кран вывернул, никак не могу найти. (входит Борменталь и пациент с зелеными волосами.)

Борменталь. Уйдите пожалуйста. Не будет сегодня приема.

Пациент. Когда прием?

Борменталь. Не будет сегодня приема. Будьте добры, уйдите, отойдите, у нас труба лопнула.

Пациент. Когда прием?

Борменталь. У нас труба лопнула!!!

Пациент. Когда операция?

Борменталь. У нас труба лопнула. Вся!!! Профессор нездоров.

Пациент. Я бы в калотах пришел (увидел старуху) Сударыня

... Я положительно очарован ... Я теперь молод! Я теперь очень молод!

(Федор принес лестницу, влез в окошечко ванной и сказал оттуда.)

Федор. Открывать дверь? Напор большой.

Зина. Все равно же придется открывать.

Дарья Петровна. Надо, Филипп филиппович.

Филипп Филиппович. Открывайте ...

Федор. Слушаю, Филипп Филиппович!

Первый. Не буду мешать.

(Федор открыл и хлынула вода. И поспешно ушел обходя потоки воды.)

Филипп Филиппович. Голубчик, ну почему вы не выходите?

Федор. Боится выходить.

Новый Человек. Бить будете, папаша?

Филипп Филиппович. Болван.

Первый. На лестницу льется.

(Зина и Дарья Петровна в подоткнутых юбках и Новый Человек с Федором в закатанных штанах шваркали мокрыми тряпками и выжимали их в ведра.)

Дарья Петровна. Филипп Филиппович, тряпки не берут.

Филипп Филиппович. Пропала квартира.

Новый Человек (мирно). До чего же вредное животное, контра. Мать твою.

Филипп Филиппович. Вы про кого говорите?

Новый Человек. Про кота я говорю, такая сволочь.

Борменталь. Сколько времени вы будете гоняться за кошками? Стыдитесь! Ведь это же безобразие! Вы ведете себя как дикарь!

Новый Человек. Ну какой я дикарь? Ничего не дикарь. Его терпеть в квартире невозможно. Я его поучить хотел.

Борменталь. Вас бы самого поучить. Вы только посмотрите на свою физиономию. Пойдите, переоденьтесь!

Новый Человек (уходя и трогая глаз мокрой грязной рукой.) Чуть глаза не лишил. Развели буржуи ... !

Федор. Вытерли все, Филипп Филиппович!

Филипп Филиппович. Федор, вы промокли. Выпейте у Дарьи Петровны водки.

Федор. Покорнейше благодарю ... Тут еще, Филипп Филиппович, я извиняюсь, уж прямо и сказать совестно, только за стекло в седьмой квартире ... Этот ваш ... камнями швырял.

Филипп Филиппович. В кота?

Федор. То-то, что в хозяина, Василий Павлович уж в суд грозитя

подавать.

Филипп Филиппович. Черт. За что?

Федор. Ваш их кухарку обнял.

Новый Человек. Кухарка, а форсу как у комиссарши.

Филипп Филиппович. Сколько нужно?

Федор. Полтора.

(Филипп Филиппович выручил деньги.)

Новый Человек. Такому мерзавцу полтора целковых платить. Да он сам с этой кухаркой ...

Борменталь. Не смей!

Федор. Ну уж, это действительно, такого наглого я в жизнь свою не видал. Филипп Филиппович, может по уху бы его.

Филипп Филиппович. (печально.) Ну, что вы, Федор ... Перестаньте Федор!

(Погасло электричество и запел за стенами хор жилтоварищества.)

(Профессор Преображенский подошел к шкафу, вынул узкую стеклянную банку и стал рассматривать ее на свет. Вошел Новый Человек.)

Филипп Филиппович. Голубчик ... Это что за бесобразие?

Новый Человек. Где?

Филипп Филиппович. Я говорю о вашем галстук.

Новый Человек. Шикарный галстук.

Филипп Филиппович. А ботинки? Неужели доктор Борменталь такие выбрал?

Новый Человек. Я велел чтоб лаковые. Чем я хуже людей? Пойдите на Кузнецкий. Все в лаковых.

Филипп Филиппович. Уберите эту пакость с шеи. Балаган какой-то. И чтоб я больше не слышал ни одного ругательного слова. И не плевать. И сприцуаром обращайтесь пожалуйста аккуратнее. И с Зиной всякие разговоры прекратить. Она жалуется, что вы полкарауливаете ее в то ноте. Вы же не в кабаке. Раздевайтесь! Живей! Живей!

Новый Человек. Как умею ... Я вас, папаша ...

Филипп Филиппович. Кто это вам тут папаша?

Новый Человек. Хотел попросить... долумент, мне нужен, Филипп Филиппович.

Филипп Филиппович. Какой документ?

Новый Человек. Во-первых, домком.

Филипп Филиппович. При чем тут домком?

Новый Человек. Встречают на лестнице – спрашивают – когда

же, говорят, многоуважаемый, пропиштесь?

Филипп Филиппович. Я запрещал вам шляться по лестнице! Повернитесь! Так что говорит наш прелестный домком?

Новый Человек. Напрасно вы его прелестным ругаете. Вот (читая вслух газету) "Никаких сомнений нет в том, что это его незаконорожденный сын. Вот как развлекается наша псевдонаучная буржуазия. Швондер". Он интересы защищает.

Филипп Филиппович. Зина! (Брезгливо схватил газету и отдал Зине.) В печку это. Немедленно! Чьи же это он интересы защищает?

Новый Человек. Известно чьи – трудового элемента.

Филипп Филиппович. Почему же вы "трудоу элемент"?

Новый Человек. Да потому что – не нэпман.

Филипп Филиппович. Как же я пропишу? Не забывайте, вы –
ь ь ... существо лабораторное. Ведь у вас нет ни имени, ни фамилии.

Новый Человек. Имя я себе очень просто могу подобрать. Пропечатали имя в газете и шабаш.

Филипп Филиппович. Как же вы намерены именоваться?

Новый Человек (поправив галстук). Полиграф Полиграфович.

Филипп Филиппович. Как как?

Новый Человек. Филипп Филиппович – Полиграф Полиграфович.

Филипп Филиппович. Не валяйте дурака. Я с вами серьезно говорю!

Новый Человек. Что-то я не пойму. Мне по-матушке нельзя. А от вас только и слышу: "Дурак, дурак". Верно, только профессорам разрешено ругаться в Ресефесере?

Филипп Филиппович. Извините меня пожалуйста. У меня расстроены нервы. Ваше имя показалось мне странным. Где вы откопали себе такое?

Новый Человек. По календарю имя.

Филипп Филиппович. Ни в каком календаре ничего подобного быть не может!!

Новый Человек. (усмехаясь) Довольно удивительно. У нас висит.

Филипп Филиппович. Где?

Новый Человек. (снял со стены календарь.) Вот. У вас ... у вас ... вот.

Филипп Филиппович. (заглянул в календарь.) Зина! В печку это! (Зина поспешно унесла календарь.)

Филипп Филиппович. Фамилия позвольте узнать!

Новый Человек. Фамилию я согласен принять наследственную.
 Филипп Филиппович. Как наследственную?
 Новый Человек. Ну ладно, Шариков. Товарищи! ... Пропустите!
 (Вошли Швондер, Вознесенская, Пеструхин, журналисты, старуха.)
 Шариков. Шариков!
 Швондер. Поздравляю.
 Вознесенская. Товарищ Шариков!
 Журналист. Добрый день... товарищ Шариков!
 Шариков. Шариков!
 Журналист. Товарищ Шариков!
 Журналист из "Вестн. пром". Я из "Вестника промышленности"
 ... отойди мама. ... Внимание! Снято.
 Швондер. (Подавая Филиппу Филипповичу бумагу.) Подпишите
 вот здесь, гражданин профессор. "Предъявитель сего, действительно,
 Полиграф Полиграфович Шариков, зародившийся в нашей квар-
 тире ..."
 Вознесенская. Нашего дома!
 Филипп Филиппович. Черт возьми! Да ничего глупее себе пред-
 ставить нельзя. Ничего он не зародился ...
 Журналист. Зародился! Зародился!
 Швондер (со спокойным злорадством). Вы делали опыт, профес-
 сор. Вы зародили гражданина Шарикова.
 Шариков. И очень прост.
 Филипп Филиппович. Я попросил бы вас не вмешиваться в раз-
 говор. Вы напрасно говорите "очень прост". Это очень непросто.
 Это очень сложно ...
 Шариков (обижанно). Как же мне не вмешиваться?
 Швондер. Гражданин Шариков совершенно прав. Его право
 принимать участие в обсуждении его собственной участи. Дело
 касается его документа. Документ – самая важная вещь! На свете!
 Журналист. Профессор, с мамой! Девушка, подойдите поближе
 ... Внимание.
 Филипп Филиппович. (журналистам) Вон!!! Вон!!!
 Первый. Вон!
 (Журналисты ушли.)
 Филипп Филиппович. (Швондеру) И вообще я против этих и
 идиотских документов.
 Швондер. А я не могу допустить пребывания в доме бездоку-
 ментного жильца.
 Вознесенская. Мы – не можем.
 Швондер. Вдруг война с империалистами?

Пеструхин. Не сегодня – завтра!
Шариков. Я воевать не пойду никуда!
Вознесенская. Спокойно, товарищ Пеструхин!
Швондер. Вы, гражданин Шариков, говорите в высшей степени неосознантельно. На воинский учет необходимо взяться.
Шариков. На учет возьмусь, а воевать пиш с маслом.
Филипп Филиппович. (злорадно) Вот, пожалуйста!
(И подписал документ. Швондер смутился.)
Шариков. Я тяжело ранен при операции. Меня вишь как отделили.
(Показал шрам на лбу и царапины оставленные котом.)
Вознесенская (Пеструхину) Спокойно товарищ! Вы анархист?
(Шарикову) Вы анархист-индивидуалист?
Шариков. Мне белый билет полагается.
Вознесенская. Товарищи! Товарищи!
Швондер (удивленно). Не важно пока. Пока не важно. Пока важно что мы удостоверение профессора отправим в милицию.
Шариков. Как в милицию?! Не дам!
Швондер. Там вам выдадут документ. Там выдадут документ ... там вам выдадут документ.
Филипп Филиппович. (внезапно Швондеру) Вот что ... Нет ли у нас в доме. Нет ли у вас в доме свободной комнаты? Я согласен ее купить для ...
Швондер. (мстительно) Нет, профессор, к величайшему сожалению. И не предвидится.
(Уходят.)
Второй. Профессор, вам никто не мешает.
Третий. Префессор, вам никто не мешает.
Первый. Нам никто не мешает.
Шариков. Поет. "В порыве мшенья ... " Давай ... кушать подано! Прощу! ... Арнольдич, прощу ...
Борменталь(Шарикову). Извольте салфету заложить!
Шариков. Ну что вы, в самом деле.
Борменталь. Заложить!
(И сел к столу.)
Филипп Филиппович. Благодарю вас, Иван Арнольдович. Я уже устал делать замечания.
(И тоже сел.)
Борменталь (Шарикову). Не позволю есть, пока не заложите.
Зина примите майонез у Шарикова.
Шариков. Как это "примите"? Я заложу.

(Левой рукой он заслонил блюдо от Зины, а правой закинул салфетку за воротник и стал похож на клиента в парикмахерской.)

Борменталь. А не хватит ли вам? Вы последнее время слишком налегаете на водку.

Шариков. Вам жалко?

Филипп Филиппович. Глупости!!!

Борменталь. Филипп Филиппович, я сам. Вы, Шариков, чепуху говорите, и возмутительнее всего то, что говорите ее безапелляционно.

Филипп Филиппович. Иван Арнольдович, лаской.

Борменталь. Водки мне, конечно, не жалко, она не моя, а Филиппа Филипповича. Просто это вредно. Это раз, а второе – вы и без водки держите себя неприлично. Другим нужно предложить. Сперва Филиппу Филипповичу, затем мне, в заключение, себе.

Шариков. Все у вас на параде. Салфетку туда, галстук сюда, да "извините", да "пожалуйста", "мессе", а так, чтобы по-человечески – это нет. Мучаете себя, как при царском режиме.

Филипп Филиппович. А как это "по человечески" – позвольте спросить?

Шариков. Да вот так ... (поднял рюмку) Желаю, чтобы все ... (Шариков выплеснул водку себе в глотку, сморщился, понюхал кусочек хлеба, и глаза его наполнились слезами.)

Филипп Филиппович. Стаж ...

Борменталь. Клим Чугункин. Ничего не поделаешь.

Шариков. Ну что будем делать сегодня вечером. Куда пойдем? В цирк пойдем. Цирк лучше всего!

Филипп Филиппович. Каждый день цирк. Я бы на вашем месте хоть раз в театр ходил.

Шариков. В театр я не пойду.

Борменталь. Почему, собственно, вам не нравится театр?

Шариков (посмотрел в пустую рюмку как в бинокль.) Да, дуракаваляние ... Разговаривают, разговаривают.

Филипп Филиппович. Почему? Там и поют.

Шариков. Все равно контрреволюция одна.

Борменталь. Шариков, вы бы хоть книжку почитали, абырвалг.

Шариков. Уж читать и так читаю ...

(И вдруг хищно и быстро налил себе полстакана водки.)

Филипп Филиппович. Зина, убирай, детка, водку. Больше не нужно. Что вы читаете? Я вам давал Робинзона Крузо.

Шариков. Не его. Эту читаю ... Как ее ... переписку этого ... как его Энгельса ... с дьяволом Каутским.

(Бороменталь остановил на полдороге дилку с куском мяса, а Филипп Филиппович расплескал вино. Шариков в это время изловчился и проглотил водку.)

Филипп Филиппович. Позвольте узнать, что вы можете сказать по поводу прочитанного?

Шариков. Не согласен я.

Филипп Филиппович. С кем? С Энгельсом или с Каутским?

Шариков. С обоими.

Филипп Филиппович. Это любопытно, клянусь богом?

Шариков. Пишут, пишут ... Конгресс, немцы ... голова пухнет. Взять все и поделить...

Борменталь. Вы и способ знаете?

Шариков. (словоохотливо после водки.) Дело не хитрое. а то что ж один в семи комнатах расселился, штанов у него 40 пар, а другой в сорных ящиках питание рыщет.

Филипп Филиппович. Насчет семи комнат – это вы, конечно, на меня намекаете?

Шариков. Это я вообще.

Филипп Филиппович. Что же, я не против дележа. Доктор, сколько пациентам мы вчера отказали?

Борменталь. 39 человек.

Филипп Филиппович. 390 рублей. Ну, делим грех на трех мужчин. Зину и Дарью Петровну считать не станем. С вас, Шариков, 130 рублей. Потрудитесь внести.

Шариков (испуганно.) Хрошенькое дело! За что?

Филипп Филиппович. (кричит, теряя остатки терпения.) За кран и за кота!!

Борменталь(с тревогой за профессора.) Филипп Филиппович ...

Филипп Филиппович. Погодите. Это же нестерпимо! Кто убил кошку у мадам Полосухиной? Кто?

Борменталь. Вы, Шариков, третьего дня укусили даму на лестнице.

Шариков. Она меня по морде хлопнула. У меня морда не казенная!

Борменталь. Потому что вы ее за грудь ушипнули. Поймите, вы стоите на самой ...

Филипп Филиппович. (перекричал его.) На самой низкой ступени развития. Вы только формирующееся, отсталое в умственном отношении существо, а вы, в присутствии людей с университетским образованием, позволяете себе с развязностью, совершенно невыносимой, подавать советы Энгельсу как все поделить... а в то же время вы

наглотались зубного порошка ...

Борменталь. Третьего дня в ванной комнате.

Филипп Филиппович. Зарубите себе на носу: вам нужно молчать и слушать, что вам говорят. Учиться и стараться стать хоть скольконибудь достойным членом социалистического общества. Какой негодяй снабдил вас этой книжкой?

Шариков. (оглушенный с двух сторон.) Все у вас негодяи. Ну, Швондер дал. Он не негодяй ... Чтоб я развивался.

Филипп Филиппович. (срываясь в крике на визг.) Я вижу, как вы разовьетесь! Зина!

Борменталь. (кричит.) Зина!

Шариков (орет.) Зина! Водки!

(Прибежала Зина.)

Филипп Филиппович. (не владея собой) Там в приемной!!! (Шарикову.) Она в приемной?

Шариков. (покорно.) В приемной. Зеленая. Она казенная из библиотеки ...

Филипп Филиппович. Зеленая книжка!!! Переписка Энгельса с этим чертом ... В печку!!!

(Зина улетела.)

Филипп Филиппович. Я этого Швондера повесил бы, честное слово на первом суку!!!

(Наступило неприятное молчание. Шариков вытащил из кармана мятую папиросу и задымил, пуская дым в рукав.)

Филипп Филиппович. Иван Арнольдович, прошу вас, съездите с ним в цирк. Только ради Бога, посмотрите в программе – котов нет?

Шариков. Кто такую сволочь в цирк пускает.

Филипп Филиппович. Да мало ли кого туда пускают. Иван Арнольдовича слушаться. Ни в какие разговоры в буфете не пускаться. Иван Арнольдович, покорнейше вас прошу пива Шарикову не давать.

(Иван Арнольдович и Шариков, одетый в кепку с утиным носом и пальто с поднятым воротником уехали в цирк.)

Шариков. Я на службу поступил!

Филипп Филиппович. Федор! ... Шариков, вчера вы приводили двух пьяных приятелей, после чего из передней пропала малахитовая пепельница и моя бобровая шапка. Кто они такие? Кто эти сукины сыны?

Шариков. Они мне персонально неизвестны. Но они не сукины

сыны, они хорошие ...

Филипп Филиппович. И украли два червонца! Изумительно, как это они умудрились? Ведь были совершенно пьяные!

Шариков. Червонцев не брали. Чего вы в самом деле ... Я, между прочим, не один в квартире проживаю.

Филипп Филиппович. Ага, может, это доктор Борменталь свистнул червонцы?

Шариков. И не я. Может быть, это ... Федор ... Может быть, это ... Зинка взяла ...

(Зина с криком бросается на Шарикова, кричит.)

Шариков. Уберите ее. Истеричка! Я на службу поступил!

Филипп Филиппович. Лаской, лаской, лаской и терпением (заглянул в шариковскую бумагу) Предъявитель сего, Полиграф Полиграфович Шарков, действительно состоит заведующим отделом чистки города Москвы от бродячих животных, в скобках котом, в отделе "МКХ". Так! Кто же вас устроил? Кто это сделал? Ах, впрочем я и сам догадываюсь.

Шариков. (возвращаясь из-за ширмы) Ну да, Швондер.

Первый Человек во Френче. (появляясь в дверях передней.) Профессор, у вас шумно, вам никто не мешает?

Филипп Филиппович. Швондер!!! Нельзя ли Швондера расстрелять? (Первый улыбнулся, покачал головой и ушел.)

Шариков. Я на службу поступил и женился. (второму) Слушай, ты! ты, ты, пусти ее!

(Вошла смущенно оглядываясь худенькая барышня в вытертом пальтишке.)

Филипп Филиппович. Шариков!

Шариков. Я с ней расписался. Это наша машинистка. Жить будет со мной. Борменталья надо будет выселить из приемной. У него своя квартира есть.

Филипп Филиппович. Милая барышня, я попрошу вас на минутку пройти со мной в мой кабинет.

Шариков. (подозрительно.) Я пойду вместе с ней.

Борменталь. Нет, извините-с. Профессор побеседует с дамой ... (Шариков пытается бежать за Ф.Ф.)

Борменталь. Стоять! ... (Барышня останавливается.)

Филипп Филиппович. Прошу вас пройдемте ... Вот сюда, пожалуйста.

Борменталь. А мы побудем здесь (читает по-немецки стихи) Стоять! ... Стоять! ... Гулять! ... Шарик, гулять! (хватает ошейник.)

Шарик. Ошейник! ... Это значит навсегда! Ошейник это все равно, что портфель! Гулять! Гулять! Гулять!

(Вошли Ф.Ф. и барышня.)

Барышня. Он сказал, негодяй, что он ранен в боях.

Филипп Филиппович. Лжет. Детка, мне вас искренне жаль, но нельзя же так с первым встречным только из-за служебного положения. Детка, ну ведь это же безобразие ... Вот что ... Я прошу вас ... Возьмите ... пожалуйста, прошу вас, пожалуйста ... (Он вынул из бумажанка деньги.)

Барышня. Я отравлюсь... В столовый солонина, солонина каждый день ... он угрожает ... говорит, что он красный командир ... со мною говорит, будешь жить в роскошной квартире, каждый день ананасы ... психика, говорит, у меня добрая, только котов, говорит, я ненавижу. Он у меня кольцо на память взял.

Филипп Филиппович. Да, да, психика добрая ... (барышне) Да ... Нужно перетерпеть. Вы еще так молоды ... Да вы берите деньги, когда дают займы!

Барышня. Подлец!

Филипп Филиппович. (Шарикову.) Ну, отчего у вас шрам на лбу? Потрудитесь объяснить этой даме.

Шариков. Я на Колчаковских фронтах ранен!

Филипп Филиппович. Перестаньте.

Борменталь. Колечко вернуть! Вернуть колечко! Вернуть!

(Шариков покорно снял с пальца кольцо.)

Борменталь. (Барышне.) Не бойтесь его.

Шариков. Ну ладно. Завтра я тебе усторою сокращение штатов.

Борменталь. Я ему не позволю ничего сделать (посмотрел на Шарикова так, что тот попятился и стукнулся затылком о шкаф.) Как ее фамилия. Сам скажет! Фамилия!

(Борменталь стал дик и страшен.)

Шариков. Васнецова.

Борменталь. (привычно взяв Шарикова за шиворот.) Ежедневно я сам лично буду справляться в очистке, не сократили ли гражданку ...

Филипп Филиппович. Иван Арнольдович ...

Борменталь. Васнецову ...

Филипп Филиппович. Доктор!

Борменталь. И если только вы ...

Филипп Филиппович. Иван Арнольдович!

Борменталь. Вы ... вы ... Если узнаю, что сократили, я вас собственными руками здесь же и пристрелю.

Филипп Филиппович. Доктор!

Шариков (тихо и как-то вяло.) У самих револьверы найдутся.

(И вдруг, изловчившись, брызнул в дверь. Федор увел барышню. Филипп Филиппович, усталый и постраревший, сжался в кресле. Запел хор жилтоварищества.)

Филипп Филиппович. Я устал ... я устал за эти две недели больше, чем за последние 14 лет.

Борменталь. Филипп Филиппович ... Я никогда не забуду, как полу голодным студентом явился к вам, и вы приютили меня на кафедре ...

Филипп Филиппович. Голубчик, я иногда ору на вас при операции. Вы уж простите меня. Если бы кто-нибудь разложил меня и выпорол, я бы, клянусь богом, заплатил бы червонцев пять. Ведь я работал ... Я пять лет сидел, выкорчевывал придатки из мозгов ... Произведена первая в мире ... я заботился об улучшении человеческой породы. Голубчик, неужели вы думаете, что я из-за денег? Ведь я все-таки ученый ...

Борменталь. И так больше продолжаться не может! Я не смею давать вам советы, но, посмотрите на зеня, вы же совершенно измучились, ведь так нельзя работать.

Филипп Филиппович. Абсолютно невозможно.
(Опять загремели тазы, зазвенели стекла. Закричали голоса. Появились Дарья Петровна в ночной сорочке и Зина. Закрывавшая рукой кофточку расстегнутую на груди. Могучей рукой Дарья Петровна волокла за шиворот пьяненького Шарикова, одетого в кожаную куртку с чужого плеча и кожаные потертые штаны.)

Зина. Не надо! ... Не надо! ... Не надо!

Дарья Петровна (встряхивая Шарикова как мешок с картофелем.)
Филипп Филиппович! ... Полюбуйтесь, господин профессор, на нашего визитера, Телеграфа Телеграфовича. Я замужем была, а Зина – невинная девушка. Хорошо, что я проснулась.

Зина. Не надо!

Филипп Филиппович. Доктор! Иван Арнольдович!

Борменталь (взял его за глотку.) Повторяйте: извините меня ...

Филипп Филиппович. Доктор, умоляю вас!

Борменталь. Извините меня, многоуважаемая Дарья Петровна

...

Шариков. Дарья Петровна ...

Борменталь. Многоуважаемая!

Шариков. Многоуважаемая ...

Борменталь. И Зинаида ...

Дарья Петровна. Прокофьевна ...

Шариков. (хватая воздух.) Прокофьевна ...

Борменталь. Что я позволил себе гнусную выходку ...

Шариков. Гнусную!!!

Филипп Филиппович. Иван Арнольдович!

Шариков. Гнусную Выходку.

Борменталь. Быть тише воды, ниже травы.

Шариков. Вчера котов душили-душили.

Борменталь. Как? ...

Шариков. По специальности. Отстань, Борменталь...

Борменталь. Вы меня по имени и отчеству, пожалуйста, называйте!

Шариков. Ну и вы меня называйте по имени и отчеству!

Филипп Филиппович. Нет! По такому имени и отчеству у себя в квартире я вас не позволю называть! Если вам угодно, чтоб вас не называли фамильярно "Шариков", мы будем звать вас "господин Шариков".

Шариков. Я не господин. Господа все в Париже.

Филипп Филиппович. Швондерова работа! Сегодня же я помещу в газете сообщение и, клянусь богом, я вам найду комнату.

Шариков (уже совсем трезвый.) Ну да, не такой я дурак, чтобы съехать отсюда.

(Борменталь сжал кулаки.)

Шариков. Не надо, господин Борменталь. Не надо. Вот ... (и вытащил из кармана нобую бумагу.) Вот. Я член жилищного товарищества и мне полагается отдельно в квартире 5 у ответственного съемщика Преображенского, полагается площадь в 16 квадратных аршин. Благоизволите!

Филипп Филиппович. Клянусь, я этого Швондера прикончу собственными руками.

Борменталь (предостерегающе.) Филипп Филиппович. Форзихтих!

Филипп Филиппович. Ну уж если такая подлость...

Шариков. Что вы мне жить не даете? Разве я просил мне операцию делать? Ухватили животную, располосовали ножиком голову, а теперь гнушаются. Я, может, своего согласия на операцию не давал. Равно и мои родные. Я, может быть, имею право иск предъявить!

Филипп Филиппович. Вы изволите быть недовольным, что вас превратили в человера? Вы, может быть, предпочитаете снова бегать по помойкам?

Шариков (прячась за гозатой.) А что вы меня попрекаете? Помойка, помойка. Я свой кусок хлеба добывал. А что, если б

я помер у вас пол ножом? Что вы на это возразите, товарищ?

Филипп Филиппович. (терпеливо.) Я вам не товарищ.

Шариков. Уж конечно, как же-с. Мы понимаем-с. Какие уж мы вам товарищи! Где уж! Мы в университетах не обучались, в квартирах до 15 комнат не жили. Только теперь это пора оставить. Теперь каждый имеет право ...

(Он вдруг лягнул зувами и сунул нос подмышку.)

Филипп Филиппович. Пальцами! Пальцами блох ловить! Я не понимаю, откуда вы их берете?

Шариков. Видно блохи меня любят. Вчера котов душили, душили ... душили ... душили (ушел.)

Борменталь. Учитель, если вы позволите, я сам, на свой страх и риск, накормлю его мышьяком.

Филипп Филиппович. Нет, не позволю вам этого. Я уж не молод и могу давать советы. На преступление не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено. Доживите с чистыми руками.

Борменталь. Я не мальчик и я прекрасно понимаю насколько это может получиться ужасная штука, но, по моему глубокому убеждению, другого выхода нет ... Филипп Филиппович, вы величина мирового значения ... они не могут вам ничего сделать...

Филипп Филиппович. Тем более не пойду на это.

Борменталь. Да почему? Почему?

Филипп Филиппович. Да потому что вы-то не величина мирового значения. А бросать коллегу в случае катастрофы, самому же выскочить на мировом значении, просите ... мне, Иван Арнольдович, я московский студент, а не Шариков.

(Он горделиво поднял плечи и выпрямился. Вошли все трое френчах и отдали честь. Появился военный.)

Филипп Филиппович. Идите, Иван Арнольдович. Идите доктор! У вас боли, голубчик, возобновились?

Военный (усаживаясь.) Нет, нет. Благодарю вас, Филипп Филиппович. Я к вам по другому делу. Филипп Филиппович, питая к вам большое уважение, решил предупредить... (он достал из кармана бумагу.) Хорошо, что мне непосредственно доложили ...

Филипп Филиппович (проситав бумагу и меняясь в лице.) ... А также угрожая убить председателя домкома товарища Швондера, из чего видно, что хранит огнестрельное оружие. И произносит контрреволюционные речи. И даже Энгельса приказал своей социал-прислужнице Зинаиде Прокофьевне Буниной спалить в печке.

Военный. Как явный меньшевик, со своим ассистентом Борменталем, который тайно, непрописанный проживает в его квартире.

Филипп Филиппович. Подпись заведующего подотделом очистки П.П. Шарикова удостоверяю. Председатель домкома Швондер.

Военный. Секретарь Пеструхин.

Филипп Филиппович. Красиво ... Вы позволите мне это оставить у себя? Или может быть, вам это нужно, чтобы дать законный ход делу? Пожалуйста, возьмите.

Военный. (обиженно.) Филипп Филиппович ... Филипп Филиппович ... вы действительно, очень подозрительно смотрите на нас.

Филипп Филиппович. Простите, голубчик. Я, право, не хотел вас обидеть. Простите ... Голубчик, он меня так задержал ...

Военный. Филипп Филиппович ... Но какая все-таки дрянь. (Он щелкнул каблуками и ушел. Трое во френчах отдали ему честь и ушли следом.)

Филипп Филиппович. Финита ... Финита ... Иван Арнольдович ... Финита ... Как, по-вашему, я понимаю что-нибудь в анатомии и физиологии, ну скажем человеческого мозгового аппарата?

Борменталь. Филипп Филиппович, что вы спрашиваете?

Филипп Филиппович. Я тоже полагаю, что я в этом не самый последний человек в Москве.

Борменталь. И в Лондоне! И в Оксфорде!

Филипп Филиппович. Ну так вот-с ... Читайте! Сделать из него человека никому не удастся. Читайте! Так и сошлитесь на меня. Скажите, Преображенский сказал: "Финита!" Читайте! Вам, как старому другу сообщаю по секрету: старый осел Преображенский нарвался на этой операции, как третьекурсник. Открытие получилось. Произведена первая в мире! ... Но зачем? ... Спрашивается, ... зачем. Мои лучи милейшего пса превратили в такую мразь, что волосы встают дыбом. Голубчик, можно привить мозг Спинозы или еще какого-нибудь такого лешего и соорудить из собаки чрезвычайно высоко стоящее, если только несчастный пес не умрет под ножом. Но зачем. На какого дьявола искусственно его формировать, если любая баба может его родить, когда угодно. Ведь родила же в Холмогорах мадам Ломоносова этого своего ... знаменитого. Голубчик, человечество само заботится об этом и в эволюционном порядке ежегодно создает десятками гениев, поражающих земной шар. Теоретически это интересно. Ну, а практически что? Но, получай Шарикова и ешь его с кашей. Финита!

Борменталь. Да ежели его обработает Швондер ...

Филипп Филиппович. Швондер! Швондер и есть самый главный дурак. Сейчас Швондер старается натравить его на меня, не соображая, что если кто-нибудь в свою очередь натравит Шарикова

на самого Швондера, то от него останутся рожки да ножки.

Борменталь. Одни коты чего стоят!

Филипп Филиппович. Коты – это временно. Еще через какой-нибудь месяц они перестанут его интересовать. Пока – это лучшее из всего что он делает. Весь ужас в том, что у него не собачье, а именно человеческое сердце. И самое паршивое из всех, которые сущесвуют в природе.

(Вошел Шариков. Вынул пистолет, зарядил его ...)

Филипп Филиппович. Сейчас же соберите свои вещи, рубашки, все, что вам необходимо и немедленно вон! Убирайтесь из квартиры!

(Шариков нацелился на Ф.Ф. Борменталь бросился. Затем правой рукой по адресу опасного Борменталья вытащил из кармана револьвер. Через мгновение Шариков хрипел на полу, а на груди его сидел Борменталь и душил его подушкой.)

(Зажглось электричество. Вошел первый во френче и сообщил.)

Первый. Филипп Филиппович, уголовная милиция и понятые.

Филипп Филиппович. Голубчик, благоволите пустить.

Первый. Пропустить!

(Вошли еще двое во френчах, милиционер, следователь. Вознесенская, Пеструхин, швейцар Федор и Дарья Петровна.)

Пациент. Когда прием?

Следоватеь (смущенно.) Извините, профессор. Очень неприятно. У нас есть ордер на обыск в вашей квартире и арест в зависимости от результатов.

Филипп Филиппович. По какому обвинению, смею спросить, и кого?

Следователь. По обвинению Преображенского, Борменталья, Зинаиды Буниной, и Дарьи Ивановой и Федора Филиппова в убийстве заведующего подотдела очистки МКХ Полиграфа Шарикова.

Филипп Филиппович. Ничего не понимаю. Какого Шарикова? Ах! Виноват, это моего пса, которого я оперировал.

Следователь. Извините, профессор, не пса ...

Швондер. А когда он уже был человеком! Вот в чем дело!

Филипп Филиппович. Человеком? Он говорил, но это еще не значит быть человеком. Впрочем, это не важно. А Шарик и сейчас существует и решительно никто не убивал.

Следователь. Тогда его придется предъявить. Десятый день как пропал, а данные, извините меня, очень нехорошие.

Филипп Филиппович. Доркор Борменталь, Иван Арнольдович,

благоволите представить Шарика следователям.

Борменталь. Шарик! Гулять!

(Вбежал Пес, подпрыгнул, выхватил с полки зубами поводок с ошейником и принялся скакать вокруг стола. Потом несколько успокоившись, сел в кресло и положил ногу на ногу. Милиционер перекрестился.)

Следователь. Как же он, позвольте, служил в очистке?

Филипп Филиппович. А я его туда не назначал. Ему господин Швондер дал рекомендацию, если не ошибаюсь.

Следователь. Я нечего не понимаю. (обратился к милиционеру.) Он?

Милиционер. Он. Форменно он.

Первый, Второй и Третий. Он, он.

Федор. Он, сволочь... он. Только опять оброс.

Швондер (кричит.) Он же говорил!!!

Филипп Филиппович. Он и сейчас говорит, только все меньше и меньше, так что пользуйтесь случаем, а то он скоро совсем умолкнет.

Следователь. Почему?

Филипп Филиппович. Науке неизвестны способы превращать зверей в людей. Я попробовал, да только неудачно, как видите. Поговорил, поговорил и начал превращаться в первобытное состояние.

Пес. (громко.) Лаской ... Только лаской ...

(И встал. Следователь уронил портфель и стал падать. Милиционер полхватил его сбоку, а Федор сзали. Произошла суматоха.)

Филипп Филиппович. Валерианки. Это обморок.

Борменталь. Швондера я собственноручно сброшу с лестницы, если он еще раз появится в квартире профессора Преображенского.

Швондер. Прошу эти слова занести в протокол.

Первый. А пока, товарищи, все свободны!

(Ушли все, кроме Филиппа Филипповича и Первого. Первый задержался, чтобы спросить.)

Первый. Как работается, Филипп Филиппович?

(Филипп Филиппович, уже не слыша его, что-то задумчиво привычал себе под нос и взял с полки банку с человеческим мозгом.)

Первый. Работайте спокойно. Я прослежу, чтобы вам никто не мешал.

(Первый тихо вышел и плотно закрыл за собой дверь. Филипп Филиппович смотрел на мозг в банке. Пес улегся на пол у ног

господина. Прекрасный женский голос запел.)

(Конец)